

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чертков А.С. Особенности современных медиакоммуникаций в контексте феномена «новая искренность» //

Litera. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.5.70988 EDN: QMRXCI URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70988

Особенности современных медиакоммуникаций в контексте феномена «новая искренность»

Чертков Алексей Сергеевич

ORCID: 0009-0004-7326-8064

кандидат исторических наук

доцент, Дипломатическая академия МИД России

119021, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1

✉ alexchertkov@list.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.5.70988

EDN:

QMRXCI

Дата направления статьи в редакцию:

10-06-2024

Аннотация: Предметом статьи является исследование социокультурного феномена «новая искренность», стимулирующего общество на поиск смыслов и их интерпретаций. Цель работы заключается в обосновании допустимости применения экспрессивных и гиперэкспрессивных текстов лидеров общественного мнения в особые периоды развития общества – в ходе специальной военной операции (СВО) России на Украине. В статье анализируются технологии «новой искренности» с позиций непрерывности развития исторического процесса и культуры. В ходе изучения технологий «новой искренности» наряду с императивами декогнитивации и сенсibilизации автор предлагает использовать деструктивные филосоемы деконструктивизма. Цифровые технологии придали ускорение способам производства публичных элементов «новой искренности», которые на каждом витке социально-культурного развития отличаются способами их обнаружения и осмысления промежуточных результатов. В качестве методов исследования в статье применяются теоретический анализ литературы, медиалингвистический анализ и методы критической лингвистики. Эмпирической базой

исследования явились тексты, различные по иллокуции и перлокутивным эффектам, оказываемых на пользователей социальных сетей, контент авторских Телеграм-каналов известных политиков – Д.А. Медведева, М.В. Захаровой и С.А. Багдасарова, демонстрирующих на протяжении долгого времени экспрессивные модели поведения в медиасреде, особенно усилившиеся в связи с проведением СВО. Методология исследования основана на выводах А.Н. Фортунатова и Н.Г. Воскресенской, в научном исследовании которых определены этические конструкции «новой искренности», ориентированные на «психоэмоциональные структуры индивида». Результаты настоящего исследования могут быть использованы при анализе специфики медикоммуникационных процессов в журналистике, блогерстве, рекламных технологиях в связи с актуализацией поиска новых форм отражения социокультурной реальности и смыслов, которые позволяют открыть технологии «новой искренности». Социокультурный феномен «новая искренность» в медийном пространстве обретает особые коммуникативные свойства – усиление степени влияния на психологическое состояние общества, его консолидацию перед лицом внешних угроз, смену модели поведения человека в зависимости от внутренних установок и жизненного опыта.

Ключевые слова:

новая искренность, новая чувствительность, метамодернизм, медиасреда, медиапространство, социальные ценности, новые смыслы, детабуизация, декогнитивация, деконструктивизм

Одним из трендов метамодернизма, оказывающим влияние на трансформацию социокультурной действительности в целом и развитие креативных индустрий в политике, массмедиа, литературе, кинематографе, развлечениях, музыке, в частности, является сегодня такой современный феномен как «новая искренность». Различные стороны феномена «новая искренность» исследованы в трудах российских ученых – Д.А. Приговой [\[1, с. 9\]](#), В. Савчук [\[2\]](#), зарубежных авторов – Д. Фицджеральда [\[3\]](#), Н. Тиммера [\[4\]](#) и др. Так, например, В. Савчук пишет, что «старая искренность – искренность вовлеченности в проект»..., а искренность новая – «умения перемещать и сочетать разнородное, дает выход и техничное выражение коллективному, в том числе и собственному бессознательному» [\[2\]](#). Д. Фицджеральд утверждает, что «несмотря на все волнения по поводу упадка морали и удешевления культуры в наше время, современные средства массовой информации полны примеров увлекательного и инновационного искусства, которое продвигает позитивные и воодушевляющие моральные послания, не производя впечатление проповеди» [\[3\]](#).

Технологии «новой искренности»

Сутью феномена «новая искренность» является публичное выражение личных эмоций и откровений лирико-исповедального свойства, обобщение общественных нарративов, не проявленных трендов, образующихся в массовом социальном коммуникативном пространстве. Обнаженность личных, порой интимных переживаний, демонстрируемых пользователями социальных медиа, имеет мультипликативный эффект, что позволяет говорить о производном от «новой искренности» общественном феномене – «новой чувствительности». Технологии «новой искренности» и «новой чувствительности» сегодня активно применяются политтехнологами, работниками массмедиа, деятелями литературы и искусства для эмоционализации медиатекстов, транслируемых в

медиа среде, что оказывает влияние на различные сферы общественно-политической жизни общества.

Одни исследователи видят в «новой искренности» «возрождение проверенных временем общечеловеческих ценностей, таких как любовь, дружба, верность, сострадание и т. д.» [6], другие видят в ней «новые движения искусства», «той оптикой, которая помогает отследить неочевидные трансформации нашей повседневности» [7, с. 335], третьи – прагматико-ориентированный рекламный дискурс [8, с. 68] медийного пространства.

Особой коммуникативной средой для вирусного ускорения процессов адаптации «новой искренности» в различных сферах социокультурной действительности современного общества являются социальные сети. По мере овладения интернет-пользователями цифровыми компетенциями и расширения сферы влияния в медиапространстве новых медиа формируется новая аксиосфера, в которой смещаются границы личного и публичного» [1, с. 8]. Технологии «новой искренности», отталкиваясь от общепринятых понятий и критериев ценностного отношения человека к миру, трансформируют цифровую коммуникативную среду, участвуют в формировании той части аксиосферы, которая «существует как виртуальная реальность, самоорганизующаяся система сопряженных ценностей, обусловленных координационно-субординационными и причинно-следственными связями» [9, с. 9].

К конструкциям «новой искренности» А.Н. Фортунатова и Н.Г. Воскресенская относят императивы декогнитивации и сенсibilизации, «направленные в сторону социальной реальности», характеризующие следующие модели поведения человека в современной интернет-среде: дискредитация обыденной логики, утрата ценностных смыслов, возникновение гипертрофированной чувствительности, детабуизация сексуальных тем, гиперэкспрессивность высказываний (истеричность, нарочитая жестикуляция, заведомая эпатажность, провокативность в отношении социального окружения), «оценочность вместо аргументированности» и др. [5, с. 283-284]. Технологии «новой искренности», по мнению этих исследователей, направлены на «монетизацию эмоций», приводящей виртуального индивида в «состояние, опирающегося на порожденную технологиями психоэмоциональную сферу и доводящего маниакальные доминантные состояния до абсурда, до крика. При этом девальвируется ценность реальных отношений между людьми. Искренность превращается в коммуникативный алгоритм, который, с одной стороны, подменяет собой прежнюю чувственность, с другой, является способом атаки виртуального субъекта как на реальный, так и на цифровой мир» [5, с. 284].

Приняв за основу изучения технологий «новой искренности» только императивы декогнитивации, как неспособность современных участников коммуникаций к качественному осмыслению и переработке информационных потоков, и сенсibilизационной гиперчувствительности пользователей новых медиа к воздействию различных факторов внешней или внутренней среды, невозможно объяснить потаенные смыслы исследуемой дефиниции. При этом, безусловно, важно изучение процессов разрушения практикой детабуизации многих сторон коммуникационного общения в новых медиа этических конструкций, как и общепринятых в обществе поведенческих девиаций, которым подвержены современные пользователи социальных сетей, что непосредственным образом влияет на их психоэмоциональное состояние.

Как одно из направлений литературоведения и литературной критики, деконструктивизм, начиная с 1970 – 80-х годов, определил одной из основных идей представление о мире

и реальности как о тексте («нет ничего, кроме текста» – Ж. Деррида) [\[10\]](#). В своей работе «О грамματοлогии» он проводит, в частности, идею деконструкции сентиментальности и искренности как одну из стратегий руссоизма. Тенденция поиска в коммуникативном пространстве «новой искренности» предполагает перераспределение качества социальных ценностей, основанных на вполне приемлемую в медиасреде дефиницию «множественности смыслов».

Согласно модели М. Хайдеггера, поиск «потаянного смысла» раскрывает новые врата метафоричности в философии и литературоведении. Тогда же по замечанию Пола де Мана художественное мышление творцов должно было преодолеть «слепоту откровения или пронизательности» [\[11, с. 23\]](#). Весьма кстати в этой связи пришлось проявление дискурса, связанного с «новой чувствительностью», основанного на концепции «общества переживаний или впечатлений» [\[12\]](#).

Является ли новым феномен «новая искренность» настолько, что его гипотетическая полезность позволяет перенастраивать под него технологии осмысления промежуточных результатов социокультурного развития? Неужели в истории философии, литературы, этики отсутствуют примеры особенных откровений, «искренности» и «чувствительности» известных мыслителей, литераторов или выраженных ими в критическом анализе повседневности, отраженном в произведениях различных художественных жанров? Ответ, естественно, отрицательный. «Новая искренность», скорее всего, это рукотворный результат деятельности продвинутой части общества, эмоционально реагирующей на периоды упадка или деградации той или иной части общественно-политической системы государства, моральных, нравственно-этических ценностей, как реакция на «интеллектуальную усталость», отсутствие понятных механизмов генерации новых смыслов, атрофию самовоспроизводства здоровой информационной среды. Проводниками чувственно-эмоциональных личных нарративов в публичное пространство являются новые медиа и креативные индустрии, эксплуатирующие текстовые конструкты, созданные предыдущими поколениями творцов творческой и интеллектуальной деятельности.

Цифровые технологии постмодернизма гипертрофировали чувственно-эмоциональные нарративы современных пользователей глобальной сети, конвертировали их во всепоглощающий монетизированный контент с помощью новых медиа.

Современное прочтение классических произведений, обращение к героическим страницам отечественной истории приводят к обнаружению новых смыслов, проявлению скрытых паттернов поведения людей, вскрытых как при помощи документальных свидетельств военных баталий и подвигов народа в тылу, так и при рассмотрении художественных обобщений и образов. Коммуникационные возможности цифрового общества стимулируют усиление элементов «новой чувствительности», содержащиеся в статьях и постах лидеров общественного мнения при общении со своей аудиторией посредством новых медиа.

Чем же эмоции прошлого отличаются от эмоций настоящего и почему образованное общество ищет новые смыслы в событиях давно минувших лет, а поверхностные подражатели находят «новую чувствительность» в форме экзальтированного поведения в публичном пространстве? «История плохо предсказывает будущее, но хорошо объясняет настоящее», – писал Ю.М. Лотман [\[13, с. 19\]](#). С помощью трансцендентальной практики человек познает и воспринимает мир вокруг себя, находит ответы, волнующие большинство, когда как любители стримингового мультимедиа, «новой чувствительности»

исходят из опыта своего «Я», примеривая его каждый раз на случившееся в информационной среде событие и транслируют свои эмоции и переживания, подменяя тем самым истинные поиски смыслов. Они создают свой микромир, способный увлечь на некоторое время, но неспособный генерировать жизнеутверждающие идеи, которые будут востребованы в будущем и станут объектом изучения прошлого.

Технологии проявления свидетельств «новой искренности» на каждом витке социально-культурного развития отличаются лишь способами их обнаружения и осмысления промежуточных результатов, иных выражений эмоциональных состояний, свойственных культуре или бескультурия погруженного в них социума.

Когда Ю.М. Лотман рассуждал о сфере поведения человека, то он обращал внимание на трудности его изучения, которая «связана с тем, что здесь сталкиваются устойчивые черты, которые могут не меняться столетиями, и формы, изменяющиеся с чрезвычайной скоростью» [\[13, с. 21\]](#). Тем не менее, в ряде исследований говорится о «новой искренности», как о вновь обретенном явлении. В расчет не берется, что культура обладает наряду со многими свойствами и качеством непрерывности. Ничто в культуре не возникает ниоткуда и не исчезает, не оставив следа. Так, Ю.М. Лотман провел параллель между началом рассказа Варлама Шаламова «На представку» из сборника «Колымские рассказы»: «Играли в карты у коногона Наумова» и первой строкой «Пиковой дамы» Александра Пушкина: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова» [\[13, с. 22-23\]](#). «Новая искренность» Шаламова видится здесь не столько в художественной параллели действия, а в качественно ином эмоциональном смысле текста и символа, так как говорится о коногоне – представителе лагерной аристократии, рекрутированном из уголовных элементов.

В каждом времени существовали свои технологии обнаружения паттернов «новой искренности», которые организовывали читателей в поиске новых смыслов при помощи доступных им инструментов, способных тем не менее изменить их отношение к окружающей действительности: переписка от руки десятками тысяч экземпляров комедии «Горе от ума», «Окна сатиры РОСТА» – плакаты советских поэтов и художников 1919–1921 гг. с использованием традиций русского лубка, поэтические чтения эпатажных поэтов Серебряного века – футуристов и имажинистов в Политехническом музее, совпавшие с эпохой модерна, выступления поэтов-шестидесятников и кинематографистов времен хрущевской оттепели – все это исторические свидетельства поиска «новой искренности».

Знаковые фигуры, оказавшие влияние на развитие целых регионов, империй, народов, также являются постоянными объектами изучения с позиций истории искренности. Режиссеры многих стран по-прежнему создают художественные фильмы о предводителе Великой Орды, монгольской империи Чингисхане и также каждый раз, по-своему открывают «новые искренности» в своих произведениях: «Чингисхан. Великий монгол», 2007, Япония, режиссер Синъитиро Саваи; «Монгол», 2007, режиссер Сергей Бодров; «Тайна Чингис хаана», 2009, Россия, Монголия, США, режиссер Андрей Борисов; «Чингисхан: история жизни», 2010, США, режиссер Кен Эннакин; «Чингисхан», 2018, Китай, режиссер Хасы Чаолу и др. Каждое поколение зрителей задумывается о новых смыслах, заложенных в картинах, а задача кинохудожников объяснить им новые смыслы, «новую искренность», осмыслению которым не будет иметь конца.

В конце 2023 г. режиссер и сценарист Жора Крыжовников (творческий псевдоним Андрея Першина) снял нашумевший в прокате фильм «Слово пацана. Кровь на асфальте» о жизни молодежных группировок Казани конца 1980-х. Главный герой

картины, защищая от нападков сверстников, присоединяется к молодежной организованной преступной группировке. Сценарий кинокартины был создан по мотивам книги Р. Гараева «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010». Для многих откровения фильма о «подростковой чуме» в позднесоветский период оказались откровением, «новой искренностью». Однако невооруженным глазом заметны параллели с другой криминальной сагой – сериалом 2000-х годов «Бригада» (режиссер Алексей Сидоров) о преступной группировке Саши Белого. Ранее были сняты «Брат» и «Брат 2» – криминальные драмы (режиссер, автор сценария Алексей Балабанов). Российское гангстерское саготворчество транслировало в общество свои откровения, популяризировало романтику преступления и не всегда четко говорило о неизбежности наказания, но и это также поиск «новой искренности» через отсылку к недавнему, пусть и неприглядному прошлому.

Российская СВО, начавшаяся в феврале 2022 г. на Украине, оказала влияние на многие стороны жизни общества. В работе И.С. Шушпанова на основе социологического исследования Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН (май, 2022 г.) выявлены основные маркеры доминирующих настроений в российском обществе, соответствующие начальной фазе операции [\[14\]](#). Среди прочих условий для данного исследования важно отметить наличие на тот момент запроса россиян на получение достоверной информации о СВО. «На фоне массовой атаки фейков и активного применения политики «постправды» лидерами недружественных стран российское государство столкнулось с новыми вызовами гибридной реальности. На фоне роста доверия граждан эффективным инструментом социально-политической консолидации стало сочетание административного и демократического подходов к решению проблем в информационной плоскости [\[14, с. 104\]](#). В вопросах социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях СВО солидаризируются и другие исследователи [\[15\]](#).

Тогда же стал заметен тренд на изменение официальной риторики в публикациях в СМИ государственных лиц – именно тех паттернов «новой искренности» и «новой чувствительности», о которых говорится в исследованиях специалистов, а именно: открытость, обостренность, информационная насыщенность, откровенная манера общения и донесения до общества в социальных сетях своих позиций и взглядов на происходящие в ходе этого вооруженного конфликта события. По началу многих удивила стилистика публикаций, которые размещал в своем Телеграм-канале заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведев, реагирующий хлесткими высказываниями на действия противной стороны, вмешательство в конфликт США и стран НАТО и др. Такие заявления разительно отличаются по стилистике от принятых в официальной правительственной прессе информации, использующей нейтральные категории при характеристике каких-либо негативных явлений. Однако со временем общество привыкло к такой безапелляционной манере высказываний в отношении противоборствующих российской армии сторон, и теперь она выглядит как единственно приемлемой, доступной для понимания большинством сограждан, желающих скорой победы над врагом.

В собрании паттернов «новой искренности» Телеграм-канала «Дмитрий Медведев» следует выделить его приверженность к прямолинейности, резкости высказываний в отношении оппонентов, невзирая на лица и должности, историческим параллелям, которые раскрывают истинные намерения зарубежных политиков и экспертов, направленные на эскалацию вооруженного конфликта на Украине, ослаблению позиций России на полях сражений и на международной арене.

Отсылки к историческим победам нашей страны над агрессором в Телеграм-канале «Дмитрий Медведев» способствуют проявлению тех паттернов «новой искренности», которые «работают» на формирование коллективного мнения читателей канала, стимулируют к консолидации общества, проявления у него таких качеств, которые обнажались в сложные периоды российской истории – объединение перед лицом внешнего врага, самопожертвование, решительность в отстаивании независимости своего государства, желание внести посильный вклад в общую победу над врагом и многие другие.

В Телеграм-канале «Дмитрий Медведев» 20 мая 2024 г. приведены ответы на вопросы агентства ТАСС о судьбе президента Украины Зеленского с отсылкой к событиям Второй мировой войны – подписания Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил 7 мая 1945 г.: «...Для России окончательная утрата легитимности псевдопрезидентом бывшей Украины ничего не изменит. Он и так возглавляет враждебный России политический режим, который ведет с нами войну. А руководители стран, ведущих войну, всегда рассматриваются как правомерная военная цель. Для нас он и так военный преступник и утрата им официального статуса ничего не меняет. Хотя он, как и любой его преемник (хотя о юридическом преемстве говорить тут не приходится), может выступить стороной, которая подпишет акт о безоговорочной капитуляции. Как, например, это сделали Альфред Йодль или Вильгельм Кейтель от имени фашистской Германии и её вооруженных сил» [\[16\]](#).

Следующим паттерном «новой искренности», наблюдаемом в информационном поле официальных должностных лиц страны, проявившихся в связи с проведением СВО, следует считать отсылку на события общей истории славянских государств, особенно в культурной сфере: в качестве аргументов приводятся цитаты из произведений, высказывания русских и украинских писателей и поэтов, подчеркивающих в свое время характерные особенности двух народов, – А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, Т.Г. Шевченко и др. Иногда эти слова применяются с крайне нелицеприятным подтекстом. «У преступного режима нет и не может быть правомочного правителя. Он всегда тоже преступник. Что же касается номинального или фактического лидера (главаря) такого режима, им может быть кто угодно. Любая «свинья в ермолке», вспоминая меткое выражение Гоголя. Для международного права и для распавшегося государства «Украина» его личность, исходя из нормальных правовых позиций, безразлична. Такое лицо останется для нас лишь правонарушителем. Однако оно может быть субъектом переговоров и участником подписания акта о капитуляции, о чем я уже ранее сказал», – пишет Д.А. Медведев [\[16\]](#). Примеры гиперэкспрессивных текстов опубликованных на ресурсе «Дмитрий Медведев»: «Протухшая ливерная колбаса Шольц», «странный парень с противным бугристым лицом Боррель», «дебиловатые натовские стратеги», «квинтэссенция новой Европы – дебильно-русофобской, вассально-разнузданной и полностью безголовой» и т.д. [\[16\]](#).

Под стать этому примеру работа директора Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации М.В. Захаровой, комментирующей для пользователей своего Телеграм-канала «Мария Захарова» события дипломатических усилий ведомства, направленные на снижение эскалации напряженности вокруг вооруженного конфликта с Украиной и разъясняющей позиции российской дипломатии на международной арене. К паттернам «новой искренности» следует отнести откровенные высказывания официального представителя дипломатического ведомства разоблачительного свойства, когда заостряется внимание российской стороны на

свидетельства провокационных действий и развернутой кампании в СМИ ряда стран Западной Европы в отношении руководства России, армии, деятельности органов государственной власти, неправительственных организаций, работы журналистов. Так, М.В. Захарова 7 июня 2024 г. выступила в защиту Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, против которого на Западе была развернута работа по дискредитации его деятельности: «Учитывая масштабность и скоординированность этой кампании, не вызывает сомнений, что речь идет не о «журналистском расследовании», а именно о провокации с участием спецслужб недружественных России государств» [\[17\]](#). Стилистика текстов медиа ресурса «Мария Захарова»: «Право по-американски – декадентский арthaус, переходящий в либеральный постмодерн биполярности», «окончательно завравшееся издание», «плетут небылицы об испанце Хавьере Коласе», «администрация Байдена нуждается в ещё большем кровопускании» и др. [\[17\]](#).

Российские эксперты в социальных сетях все чаще стали высказывать личные суждения о ходе политических процессов в зарубежных странах, отбросив двусмысленные намеки и недоговоренности, награждают нелицеприятными эпитетами действия политических кругов Запада, спецслужб, финансовых корпораций, стремящихся нанести экономический и военный ущерб в прокси-войне, развязанной против Российской Федерации. Так, авторский Телеграм-канал политика С.А. Багдасарова, директора Центра по изучению стран Ближнего Востока и Центральной Азии во время проведения СВО продолжил разоблачение замыслов зарубежных спецслужб и правительств в отношении дружественных России государств. Основным паттерном информационной насыщенности Телеграм-канал «Багдасаров» являются интерпретация исторических событий и особенностей религии на Ближнем Востоке, характеризуемых политиком как «вечный конфликт». В довольно экспрессивной форме, но с солидным багажом знаний о предмете дискуссии, автор канала «награждает» участников событий разнообразными эпитетами, говорящими сами за себя: «Он – сатанист и враг армянского народа», «по сравнению с Пашиняном бледнеет даже Остап Бендер», «антироссийский элемент» – о Н.В. Пашиняне, «турецкие предатели» – об армянских полицейских [\[18\]](#) и т.д. Радикализация высказываний российского политика и эксперта еще больше усилилась весной 2024 г., когда сторонники движения «Тавуш во имя Родины» во главе с архиепископом Багратом Галстаняном предприняли пеший поход на Ереван с целью свержения избранной власти.

Приведенные примеры показывают вовлеченность российских политиков в развязанную властными институтами США и стран Запада гибридную войну против Российской Федерации, в ходе которой они вынуждены, используя технологии «новой искренности» и «новой чувствительности», реагировать на нарастающее медийное давление различных центров мировой политики. Насколько эффективно они будут противостоять современным вызовам в этом геополитическом противостоянии будет зависеть успешность отстаивания позиций российской стороны в информационно-психологической и политико-дипломатической сферах.

Согласимся с выводом О.С. Иссерс о том, что «в обществе сформировался запрос на “новую искренность”, который не в последнюю очередь стимулируется технологиями новой медийной реальности» [\[19, с. 224\]](#). В связи с обозначившимся трендом, в статье И.Ю. Романов, А.А. Торопова недавно было предложено следующее весьма уязвимое «рабочее определение новой искренности: это коммуникативная публичная ситуация, в которой есть актер признания и актер, оценивающий признание с точки зрения его

честности» [20, с. 170]. С позиций рассматриваемых нами технологий «новой искренности» данная дефиниция не может быть взята за основу, т.к. категория «честности» не является в политике, как и в большинстве других социокультурных сфер, определяющей.

В свою очередь отметим: российские политические деятели активно используют в политических коммуникациях технологии «новой искренности», позволяющие им эффективно влиять на формирование общественного мнения по важнейшим вопросам информационной повестки и в ряде случаев манипулировать информацией. Вместе с тем, проанализированный нами контент социальных сетей известных политиков, погруженных в контрпропагандистскую работу в связи со СВО, свидетельствует о переходе от отыгранной ими технологии «разговора по душам» к более прагматичной форме эмоционального воздействия на свою аудиторию, выраженной в использовании текстовых и речевых эффектов, разрушающих имидж лидеров общественного мнения по ту сторону баррикад, содержащих прямой призыв к переходу «красных линий» в медиакommunikационной практике, что в конечном итоге формирует особый стиль «новой политической искренности» в российском медиадискурсе.

Выводы

Предпринятый анализ технологий «новой искренности» и «новой чувствительности» с позиций непрерывности развития истории и культуры страны, позволяет показать, что в стремлении к переменам обществу следует исходить не только из желаемого, но и учитывать опыт прошлого, запечатленный в документальных свидетельствах прошлого, истории народа, художественных текстах, научиться посредством «умозрительного видения» распознавать скрытые в них смыслы и использовать в критические моменты своей истории. Смеем утверждать, что запрос на «новую искренность», как и медийное, художественное воплощение данной дефиниции в социокультурном пространстве возникают в обществе с завидной периодичностью.

Социокультурный феномен «новая искренность» в медийном пространстве с помощью цифровых технологий приобретает особые коммуникативные свойства – усиление степени влияния на психологическое состояние общества, его консолидацию перед лицом внешних угроз, смену модели поведения человека в зависимости от внутренних установок и жизненного опыта и др. В период чрезвычайных испытаний для страны политиками – лидерами общественного мнения задействуются апробированные коммуникационные технологии «новой искренности», которым присущ экспрессивный и гиперэкспрессивный характер текстов, что и демонстрирует рассматриваемый нами контент.

«Новая искренность», «новая чувствительность», «новая эмоциональность» апеллируют к миру внутренних переживаний человека, сознательно, а порой и бессознательно, абстрагирующегося от внешних раздражителей или же, наоборот, гипертрофировано реагирующего на них, как на мощнейший источник эмоционального переживания.

Век цифровых технологий придал чрезвычайное ускорение способам производства публичных элементов «новой искренности». Вместе с тем имеется и обратная сторона производства контента с помощью технологий «новой искренности», при которых современные коммуникации, особенно социальные сети становятся идеальным полигоном для апробирования необоснованного хайпа, погоней за монетизацией контента любыми дозволенными средствами. В современном обществе потребления такие приемы превзошло самое себя в искусстве публичного обнажения в переносном и даже в прямом смыслах. Заполонившие интернет-пространство хайпующие производители

контента «новой искренности» – блогеры, коучи, всевозможные фрики зачастую манипулируют аудиторией, транслируя микро-нарративы личной чувствительности, обобщают их до проблем всего общества, тем самым формируют искаженную айдентику эстетики выражения эмоций и впечатлений.

Библиография

1. Гладко М.А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // *Terra Linguistica*. 2022. Т. 13. № 4. С. 7-21.
2. Савчук В. Идеология постинформационной искренности // *Moscow Art Magazine*. 2000. № 30-31. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741> (дата обращения: 09.06.2024).
3. Fitzgerald J. D. *Not Your Mother's Morals: How the New Sincerity is Changing Pop Culture for the Better*. Bondfire Books, 2013. 60 p.
4. Timmer N. *Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium*. (Postmodern Studies). Amsterdam, New York, NY, Rodopi, 2010, 390 p.
5. Фортунатов А.Н., Воскресенская Н.Г. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 276-285.
6. Савчук В. Возвращение определенности // *Moscow Art Magazine*. 2017. № 101. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/55/article/1111> (дата обращения: 09.06.2024).
7. Гусельцева М. С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Психология. 2018. Т. 8, № 4. С. 327-340. – DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.402. EDN VQTIQO.
8. Антропова В.В., Маркова Д.А. Технология «новой искренности» в российском рекламном дискурсе // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2023. № 1(47). С. 63-69. EDN IXHTGY.
9. Валицкая А.П. Аксиосфера: содержание понятия и его инструментальный статус // *Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик* Коллективная монография. СПб.: Астерион, 2013. С. 5-14.
10. Деррида Ж. *О грамматологии*. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
11. Ильин И.П. *Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмоде́рнизм*. М.: Интрада, 1996. 256 с.
12. Schulze G. *Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart*. 2. Aufl. Frankfurt; New York: Campus, 1992. 765 p.
13. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). М.: Эксмо, 2022. С. 90-102.
14. Шушпанова И. С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28. № 4. С. 97-108. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.8. – EDN KARUNB.
15. Зубарев А.А., Слинько А.А. Консолидация российского общества в условиях специальной военной операции // *Регион: системы, экономика, управление*. 2023. № 3(62). С. 109-114. DOI: 10.22394/1997-4469-2023-62-3-109-114. EDN EFDTQF.
16. Дмитрий Медведев // Телеграм URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001572748754> (дата обращения: 09.06.2024).
17. Мария Захарова // Телеграм URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001472186202> (дата обращения: 09.06.2024).
18. Багдасаров // Телеграм URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001493717556> (дата

обращения: 09.06.2024)

19. Иссерс О. С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 6. С. 216-227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227. EDN CSZZSS.
20. Романов И.Ю., Торопова А.А. Нечестные знаки новой искренности: очередной виток отчуждения общества спектакля // Идеи и идеалы. 2024. Т. 16. № 1-1. С. 166-184. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-166-184. EDN FYHTWS.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Особенности современных медиакommunikаций в контексте феномена «новая искренность», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно является актуальной ввиду сложности, изменчивости и неопределённости процессов, которые образуют медиадискурс, а также тем фактом, что автор обращается к исследованию одного из трендов метамодернизма, оказывающим влияние на трансформацию социокультурной действительности в целом и развитие креативных индустрий в политике, массмедиа, литературе, кинематографе, развлечениях, музыке. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

В качестве методов исследования применяются теоретический анализ литературы, медиалингвистический анализ, методы критической лингвистики и др.

Неясен отобранный текстовый корпус для проведения исследования, а также принципы выборки материала.

Выводы автора не были проиллюстрированы языковыми примерами, что не позволяет говорить о возможности тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов. Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справку о разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, заключения.

Собственно, сам текст статьи представляет нагромождение цитат и мнений, что не позволяет судить о когезии и когерентности, а также утверждать о проведенном исследовании, ввиду отсутствия его описания и представления сколь бы то ни было измеримых результатов. Также, в статье нет информации о возможных перспективах исследования.

Библиография статьи насчитывает 18 источников под авторством как отечественных, так и зарубежных исследователей. К сожалению, отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по заявленной тематике, что могло бы усилить теоретическую значимость работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Однако, автор в том числе прибегает к разговорным и сленговым единицам, что недопустимо в научном тексте.

А тексте есть ряд технических опечаток, к примеру,

«М.В. Захаровой, делящейся в медиа и для пользователей своего Телеграм-канала

«Мария Захарова» официальным мнением министерства...» и др.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по лингвокультурологии, журналистики и теории дискурса. Статья «Особенности современных медиакommunikаций в контексте феномена «новая искренность» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК, после усиления теоретической базы, стилистической и научной правки текста.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья ориентирована на изучение особенностей современных медиакommunikаций. Автор точно останавливается на таком понятии как «новая искренность». Сутью феномена «новая искренность» является публичное выражение личных эмоций и откровений лирико-исповедального свойства, обобщение общественных нарративов, непроявленных трендов, образующихся в массовом социальном коммуникативном пространстве. Обнаженность личных, порой интимных переживаний, демонстрируемых пользователями социальных медиа, имеет мультипликативный эффект, что позволяет говорить о производном от «новой искренности» общественном феномене – «новой чувствительности». Подход вполне оправдан, подобная ситуация, действительно, наблюдается, следовательно, оценка должна быть сделана. Работа имеет нужный информативный грейд, суждения по ходу текста выверены, серьезных сбивов нет. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «к конструкциям «новой искренности» А.Н. Фортунатова и Н.Г. Воскресенская относят императивы декогнитивации и сенсibilизации, «направленные в сторону социальной реальности», характеризующие следующие модели поведения человека в современной интернет-среде: дискредитация обыденной логики, утрата ценностных смыслов, возникновение гипертрофированной чувствительности, детабуизация сексуальных тем, гиперэкспрессивность высказываний (истеричность, нарочитая жестикуляция, заведомая эпатажность, провокативность в отношении социального окружения), «оценочность вместо аргументированности» и др.», или «одним из трендов метамодернизма, оказывающим влияние на трансформацию социокультурной действительности в целом и развитие креативных индустрий в политике, массмедиа, литературе, кинематографе, развлечениях, музыке, в частности, является сегодня такой современный феномен как «новая искренность» и т.д. Теоретическая основа исследования подкрепляется ссылками на труды М. Хайдеггера, Ж. Деррида, П. де Мана, Ю.М. Лотмана и других. Иллюстративный фон многомерен, отсылки уместны, цитации выверены: например, «знаковые фигуры, оказавшие влияние на развитие целых регионов, империй, народов, также являются постоянными объектами изучения с позиций истории искренности. Режиссеры многих стран по-прежнему создают художественные фильмы о предводителе Великой Орды, монгольской империи Чингисхане и также каждый раз, по-своему открывают «новые искренности» в своих произведениях: «Чингисхан. Великий монгол», 2007, Япония, режиссер Синъитиро Саваи; «Монгол», 2007, режиссер Сергей Бодров; «Тайна Чингис хаана», 2009, Россия, Монголия, США, режиссер Андрей Борисов;

«Чингисхан: история жизни», 2010, США, режиссер Кен Эннакин; «Чингисхан», 2018, Китай, режиссер Хасы Чаолу и др. Каждое поколение зрителей задумывается о новых смыслах, заложенных в картинах, а задача кинохудожников объяснить им новые смыслы, «новую искренность», осмыслению которым не будет иметь конца». Удачно в работе рассматриваются разные цифровые форматы, которые изучаются с позиций проявления «феномена «новой искренности», такой векторный принцип вполне конструктивен. Автор вводит и т.н. промежуточные выводы, они поддерживают внутреннюю логику работы: «приведенные примеры показывают вовлеченность российских политиков в развязанную властными институтами США и стран Запада гибридную войну против Российской Федерации, в ходе которой они вынуждены, используя технологии «новой искренности» и «новой чувствительности», реагировать на нарастающее медийное давление различных центров мировой политики. Насколько эффективно они будут противостоять современным вызовам в этом геополитическом противостоянии будет зависеть успешность отстаивания позиций российской стороны в информационно-психологической и политико-дипломатической сферах». Материал имеет законченный вид, точка зрения автора понятна и доступна; формальные требования издания учтены. Считаю, что задачи, которые были поставлены – решены. Работу можно использовать в рамках изучения ряда гуманитарных дисциплин. В заключительной части отмечается, что «новая искренность», «новая чувствительность», «новая эмоциональность» апеллируют к миру внутренних переживаний человека, сознательно, а порой и бессознательно, абстрагирующегося от внешних раздражителей или же, наоборот, гипертрофировано реагирующего на них, как на мощнейший источник эмоционального переживания», «век цифровых технологий придал чрезвычайное ускорение способам производства публичных элементов «новой искренности». Вместе с тем имеется и обратная сторона производства контента с помощью технологий «новой искренности», при которых современные коммуникации, особенно социальные сети становятся идеальным полигоном для апробирования необоснованного хайпа, погоней за монетизацией контента любыми дозволенными средствами. В современном обществе потребления такие приемы превзошло самое себя в искусстве публичного обнажения в переносном и даже в прямом смысле». Созвучность основного блока финальному налична, работа имеет цельный вид, библиографический список полновесен. С учетом отмеченного констатирую: статья «Особенности современных медиакоммуникаций в контексте феномена «новая искренность» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».